

С. В. Бурмистрова

ОБРАЗ ФРАНЦИИ В «ВОСПОМИНАНИЯХ» П. Е. АННЕНКОВОЙ

Исследуются особенности моделирования образа Франции в «Воспоминаниях» П. Е. Анненковой. Топос Франции, включенный в парадигму Россия/Европа, является одной из хронотопических доминант автодокументального текста, характеризующих его концептосферу, воплощенную в нем картину мира мемуаристики, механизмы самоинтерпретации и самоописания, а также представленную в нем авторскую рецепцию русско-французского диалога культур. Дихотомия Франция/Россия соотносится с семантической парой свое/чужое, центр/периферия. Французская реальность воссоздается в «Воспоминаниях» как через характеристики ее пространственной структуры, так и через реконструкцию духовно-нравственной и культурно-исторической сферы. События частной жизни автогероини, ритмы провинциального мироустройства освещаются сквозь призму истории, а пребывание в Париже определяется семантикой отчужденности, ограниченности, локальности. Окружение юной автогероини составляют не только члены семьи, но также исторические деятели. В качестве значимых для автора ориентиров в процессе самоинтерпретации представлены образ отца и модели декабристской личности и культуры.

Ключевые слова: мемуары, образ Франции, диалог культур, имагология, рецепция, концептосфера, модель самоописания, декабризм.

Для современной гуманитарной науки «Воспоминания» Полины Егоровны Анненковой (1800–1876) представляют интерес не только как источник информации о декабризме: именно в таком аспекте традиционно рассматривались записки жены декабриста в исторических, культурологических и филологических исследованиях. В настоящее время в изучении мемуаристики наметились новые тенденции, связанные с расширением методологической базы гуманитарного знания, а также с вниманием науки к проблеме коммуникации личности с миром. Литературоведческая научная парадигма сосредоточена преимущественно на выявлении способов вербальной репрезентации автора и его мировосприятия, определяющего в мемуарном тексте механизмы смыслопорождения, самоописания и повествования. Кроме того, значительная часть филологических работ посвящена проблемам жанровой специфики мемуарной литературы и методологии ее анализа¹. В частности, активно обсуждается вопрос о допустимости использования категорий поэтики художественного текста при изучении автодокументальной словесности. Исследование «Воспоминаний» Анненковой продуктивно также в имагологическом аспекте, предполагающем акцент на проблеме воплощения в мемуарах русско-французского диалога культур.

Основная часть «Воспоминаний» Анненковой, оставшихся незавершенными, посвящена описанию первых нескольких лет ее пребывания в Сибири, куда она добровольно последовала за своим возлюбленным, осужденным на ссылку за участие

в восстании 14 декабря 1825 г. В 1861 г. Анненкова начала работу над составлением мемуаров, первая публикация которых состоялась только в 1888 г. в журнале «Русское слово». Важную роль в процессе подготовки текста к изданию сыграла дочь мемуаристики – О. И. Иванова, которая не только записала воспоминания матери, продиктованные ей на французском языке, но и выполнила их русский перевод, а также определенным образом структурировала их (первое издание «Воспоминаний» было представлено в сокращенном варианте).

В качестве концептуальной основы «Воспоминаний» выступает принцип диалога, определяющий структурно-содержательные компоненты мемуарного повествования и выступающий как ведущий способ авторефлексии и самоописания. Актуализация диалогической модели в построении концептосферы мемуаров и образа автогероини объясняется прежде всего особенностями биографического контекста, вводящего в «Воспоминания» дихотомию Франция – Россия. Образы двух стран – Франции, где Анненкова родилась, и России, куда приехала в 1823 г. и прожила до конца своих дней, постоянно присутствуют в сознании мемуаристики, определяя в тексте так называемый «двойной регистр», иными словами, двойную перспективу восприятия действительности и самоинтерпретации. На протяжении всего повествования автогероиня ощущает неразрывную связь с Францией, позиционирует себя в России как француженку, которая, несмотря на более чем полувековое пребывание в России, так и не смогла, по ее собственному при-

¹ См., напр.: Алташина В. Д. Роман-мемуары во французской литературе XVIII века: генезис и поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2007; Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX века. Ставрополь, 2001; Мамаева О. В. Феномен женской автобиографии в русской культуре второй половины XVIII – начала XIX века. СПб., 2010; Бурмистрова С. В. Специфика репрезентации авторского я в женской мемуарной прозе // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2011. Вып. 11. С. 119–124 и др.

знанию, «хорошо выучиться говорить по-русски», а потому изъяснялась на французском языке.

Полисемантическая природа образов Франции и России создается в записках благодаря реконструкции культурно-исторической, религиозной, ментальной, бытовой и др. сфер обеих стран конца XVIII – начала XIX в. Представленный в первых главах «Воспоминаний» топос Франции становится тем фоном, который помогает мемуаристке выразить свое понимание России и объяснить особенности своей личности. Моделирование французской и российской действительности осуществляется в соответствии с духовно-нравственной логикой, являющейся приоритетной в авторской картине мира и акцентирующей внимание на религиозных категориях провидения, благословения, а также этических качествах личности автогероини: порядочности, мужественности, верности и др.

Ключевая характеристика образа Франции определяется важным для Анненковой противопоставлением центр/периферия, столица/провинция. Французская провинция, где автогероиня провела детские годы, осмысливается в тексте в рамках типичной для этого топоса семантической парадигмы как «родное», естественное, «уютное» пространство. Однако наряду с устойчивым комплексом значений Анненкова включает также описания, которые значительно расширяют базовую семантику провинциального пространства. Прежде всего, провинция, традиционно ассоциирующаяся с миром покоя и размеренного образа жизни, наделяется высокой степенью насыщенности действиями, событиями и выступает как сфера, позволяющая автогероине ощутить свою сопричастность политической и исторической жизни страны. Так, средневековый замок Шампиньи, где родилась Анненкова, становится в тексте топосом с двузначной семантикой. Он одновременно включает значение приватного (семейный очаг, жилище для молодой семьи) и общественного, исторического (замок, сохранивший информацию о многовековом прошлом, а в настоящее время ставший местом, в котором разворачиваются революционные действия). Замок является частью идентичности эпохи и человека. Он представлен не только как материальный образ прошлого, но и как духовный символ традиционных ценностей, подверженных в данный момент опасности разрушения. Так, характеризуя новую эпоху, мемуаристка сообщает об актах, направленных на уничтожение памяти о предках, родовых семейных традициях: «Революция, ничего не щадившая, потревожила кости владетелей Шампиньи. Подвалы были перерыты, и скелеты выброшены» [1, с. 36].

В революционных механизмах построения нового общества, сопряженных с ниспровержением

традиций прежней культуры, памяти о прошлом, Анненкова видит главную причину характерного для современности процесса обесценивания человеческой жизни и утраты внутрисемейного единства, разрыва родственных связей. Так, с «содроганием в сердце» она вспоминает о драматической ситуации предательства, когда бабушка, мать ее отца, выдала жандармам собственного сына. Однако «такие примеры, – по словам мемуаристки, – во время революции были нередки» [1, с. 38].

Значимость семейно-родового космоса в моделировании провинциального пространства в «Воспоминаниях» несомненна. Заметим, что в литературе первой половины XIX в. (Стендаль, Гончаров и др.) закрепилось представление о провинции как замкнутом локусе, погружающем человека исключительно в семейно-родовую сферу и лишаящем коммуникации с большим миром. В понимании Анненковой провинциальное мироустройство организовано таким образом, что не становится для автогероини непреодолимой границей, отделяющей от многосторонних связей с обществом, историей. Напротив, упоминая о провинции Булонь, куда ее отец был назначен на службу, мемуаристка отмечает, что именно здесь смогла не только увидеть Наполеона, но и приветствовать его, а также соприкоснуться с военным бытом императора. В «детской» части «Воспоминаний» очень подробно описываются посещения четырехлетней Поль вместе с отцом военного лагеря в Булони. При этом частная сфера, связанная с изображением отношений дочери и отца, получает исторический масштаб, так как погружается в контекст наполеоновских кампаний. «Я помню палатку, в которой останавливался Наполеон, – сообщает мемуаристка, – когда объезжал лагерь. Она ничем не отличалась от солдатских палаток, была такая же небольшая и простенькая, убранная внутри так же незатейливо: железная кровать, стол и маленькое зеркало составляли всю меблировку, на стене висели серый плащ и треугольная шляпа. Помню и самого Наполеона, всегда сопровождаемого своим неизменным мамелюком Рустаном. Когда нам случилось встречать его, я мигом снимала свою матросскую шляпу и, поднимая ее вверх... кричала: „Vive l'Empereur!“». Властелин Франции, всегда ласково улыбаясь, кивал мне своей могучей головой» [1, с. 40].

Следует заметить, что описание исторического деятеля осуществляется Анненковой не столько в социально-политическом, сколько в общечеловеческом, нравственном измерении. Так, она указывает на такие черты личности Наполеона, как демократичность (палатка как у простого солдата), простота и человечность, понимаемые как способность выражать эмоции радости, теплоты в общении

с ребенком. Кроме того, положительный образ императора создается через характеристику его отношения к подданным. Анненкова изображает Наполеона как правителя, проявляющего заботу о своих подчиненных. Так, когда Наполеон узнал о болезни отца автогероини, то прислал своего доктора. После «странной» смерти отца в Испании император распорядился выдать его семье единовременное пособие в 12 тысяч франков и «пенсия в две тысячи франков», а также предложил определить осиротевших детей в учебные заведения.

Моделирование топоса провинции позволило автору на языке пространства выразить собственную аксиологическую концепцию, включающую такие понятия, как провидение, свобода, любовь, семья, память о предках, благодарность, долг, честь и др. Аксиологической доминантой в семантике провинциального мироустройства выступает категория провидения. Идея Высшего промысла, в представлении мемуаристки, предполагает признание всеобъемлющего действия божественного попечения о человеке, а также восприятие собственной судьбы в провиденциальной логике. Кроме того, мотив провидения становится в тексте тем инструментом, который позволяет автору запечатлеть в собственном жизнеописании момент пересечения двух сфер: частной, семейной и общественной, культурно-исторической. В этой связи в мемуарах моделируется парадоксальная для традиционного восприятия оппозиция центр/периферия ситуация, когда локальное пребывание автогероини в провинции погружается в контекст общезначимых исторических событий. Поэтому в изображении провинциальных топосов акцентированы такие коммуникативные ситуации, как общение автогероини с императором Франции, который принимает участие в разрешении ее житейских проблем, беседа с министром иностранных дел и писателем Р. де Шатобрианом и др. Облик юной автогероини воссоздается на фоне имен Наполеона Бонапарта, Робеспьера, событий военной кампании 1812 г., реставрации Бурбонов и др., а зрелый период жизни будет осмыслен в контексте российской истории и культуры.

Таким образом, выраженная посредством хронотопической организации автоконцепция личности предполагает акцент на социально-историческом и духовно-нравственном аспектах самоинтерпретации, а восприятие мемуаристкой закономерностей развития собственной жизни демонстрирует связь с христианской антропологией.

Образ французской столицы утрачивает в мемуарах традиционно соотносимую с ним семантику социокультурного центра, грандиозности и описывается через характеристики частного топоса – торгового дома Моно, в котором героиня была вы-

нуждена работать в течение трех лет. Воссозданное в «Воспоминаниях» пространство Парижа совпадает с границами дома Моно, а негативное отношение к месту службы проецируется на восприятие всей столицы. Так, автогероиня признается: «Париж возненавидела и во все время, проведенное мною там, я ни разу не видела ни Версаля, ни других окрестностей» [1, с. 60]. Город охарактеризован мемуаристкой через определение «чуждый». Прежде всего акцентируется ситуация психологической, нравственно-культурной отчужденности героини от парижан: «Я почувствовала всю горечь моего нового положения, очутившись между людьми мне неизвестными, совершенно чужими, к тому же малообразованными. Их привычки, образ мыслей, обхождение – все меня шокировало, и много стоило мне слез и усилий, чтобы сломить себя и привыкнуть к ним» [1].

Столичное пространство, таким образом, изображается в тексте не совсем в традиционной для культуры первой трети XIX в. логике, ассоциирующей его как центр цивилизованности, высокой культуры и образованности, а парижане в восприятии автогероини значительно уступают ей в нравственно-этическом плане. Вместе с тем парижский период жизни, актуализировавший ситуацию сопротивления личности среде, способствовал развитию присущих героине качеств: внутренней стойкости, «силы воли», которым «дивились» ее брат и сестра [1].

Следует отметить, что мемуарная реконструкция трехлетнего периода пребывания в столице отличается предельной лаконичностью, что косвенно может указывать на редуцированность и незначительность этого образа в построении жизнеописания. Хронотоп Парижа создается по принципу «минус приема»: это город, в котором отсутствует возможность действовать свободно и обрести близких по духу людей. Условия контракта с торговым домом, по словам Анненковой, «были самые строгие», их не смогли выдержать ее сестра и брат, которые через полгода вернулись домой. Поведение и распорядок дня автогероини полностью контролировались владельцем магазина, поэтому она не могла «никуда выйти без позволения хозяев» [1].

Важно заметить, что композиция «Воспоминаний» ориентирует читателя на восприятие французской столицы по контрасту с Россией, образ которой, начиная уже с третьей главы, станет доминантным в повествовании. При этом следует пояснить, что обозначенная в тексте рецепция России отличается процессуальным характером и имеет два этапа. Первый связан с формированием предварительного представления о России до непосредственного контакта с ней. Этот интуитивно-

мифологический образ России сложился у мемуаристки еще во Франции. Второй этап отражает впечатления автогероини, возникшие в результате взаимодействия с российской действительностью.

Необходимо также отметить, что Париж для мемуаристки не тождествен Франции, не воплощает дух французской культуры, хотя и являет собой самостоятельный мир, а потому и противопоставляется не столице России, а стране в целом. Такой рецептивный механизм выражает не только субъективное видение Анненковой, но также укоренившееся в сознании парижан представление о своем городе как центре мироздания. Интересно отметить, что эта идея запечатлена также в русской словесности. Так, Д. И. Фонвизин в «Письмах из Франции» (1778) писал: «Париж по справедливости может считаться сокращением целого мира <...> Жители парижские почитают свой город столицей света, а свет – своею провинцией. Бургонию, например, считают близкою провинцией, а Россию дальнею. Француз, приехавший сюда из Бордо, и россиянин из Петербурга называются равномерно чужестранными» [2, с. 472].

Однако заметим, что уже в 1830–1840-е гг. моделирование образа французской столицы в многочисленных мемуарах данного периода усложняется: идея центрации корректируется убеждением в том, что большую часть обитателей Парижа составляют не коренные парижане, а приезжие. Соответственно подлинная французская культура и традиции сосредоточены не в столице, а в провинции². Поэтому в «Воспоминаниях» Анненковой в качестве фона, на котором осуществляется восприятие русской действительности, выступает не Париж, а социокультурное пространство Франции. При этом сопоставление России и Франции чаще всего необходимо мемуаристке для того, чтобы подчеркнуть общее, выявить сходные черты, тогда как сравнение России с Парижем, напротив, обнаруживает семантику противопоставления. Так, образ Парижа воссоздается в тексте через такие характеристики, как закрытость, регламентированность, отчужденность, неволя, а предварительно смоделированный в сознании героини образ России связывается прежде всего с семантикой свободы, семейного счастья, с возможностью преодолеть замкнутое существование и обрести новый личностный статус. Именно ощущение нравственно-психологического дискомфорта, возникшее у автогероини в Париже, а также стремление к новым впечатлениям мотивируют ее решение принять предложение «ехать в Россию» для работы в московском представительстве торгового дома Дюманси.

Заметим, что образ Франции моделируется не только на основе впечатлений юной героини, но и отражает восприятие зрелой мемуаристки, т. е. осмысливается в контексте всего жизненного пути и, следовательно, в соотношении с топосом России. Близкие Анненковой ценности декабристской культуры, прежде всего идеи братства, объединения, определяют семантику дихотомии Франция/Россия. Мемуаристке важно выявить и указать на то общее, что объединяет две нации и культуры. Точками пересечения, позволяющими создать универсальную модель мира, являются нравственно-религиозная и эстетическая сферы. Именно они выступают в качестве адаптационных механизмов, позволяющих автогероине оценивать новую действительность как близкую, родную среду. Восприятие России через призму французской культуры (язык, этикет) также становится способом адаптации в инациональном пространстве, трансформации чужого в свое.

Так, отмеченные Анненковой особенности бытового этикета в России и Сибири сопоставляются с теми, которые приняты во Франции. Например, сообщая об обеде у богатейшего иркутского купца Наквасина, семья которого, по заверению мемуаристки, приняла ее «как самую близкую родственницу, с полнейшим радушием», она одновременно замечает, что «они жили очень грязно. Что кидалось мне более всего в глаза, это столовое белье, которое было очень грубое, очень редко менялось и совершенно не отвечало, как и вся вообще сервировка стола, очень вкусным и великолепным обедам». Анненкова подсказала своим знакомым, какие принципы сервировки приняты во Франции, т. е. считаются общекультурными. Урок, преподанный автогероиней, дал положительные результаты: «Девять лет спустя, когда из Петровского завода нас перевели на поселение, и мы остановились проездом в Иркутске, – сообщает автор, – Наквасины пригласили меня со всей моей семьей обедать. Они были совсем уже другие люди, говорили по-французски ... и они высказали, что обязаны не кому другому, как мне, своей цивилизацией, что со времени моего пребывания в их доме им многое сделалось понятным, и с гордостью показывали мне свое белье, которое, действительно, было превосходное: все из лучшего батиста и полотно» [1, с. 70].

Если бытовая сфера имеет национальную специфику, то нравственная наделяется в мемуарах значением всеобщего, соотносится с семантикой всеединства. Нравственные ценности, в понимании Анненковой, являются общечеловеческим до-

² Более подробно см. об этом: Мильчина В. А. Россия и Франция: дипломаты, литераторы, шпионы. СПб.: Гиперион, 2006. 528 с.; Мильчина В. А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 944 с.

стоянием, независимым от национальной, религиозной, социальной принадлежности человека. В соответствии с этим принципом в тексте изображаются события личного плана и факты истории. Так, мемуаристка сообщает, что проезжая мимо Бородинского поля, «она вышла из экипажа и помолилась за тех, которые облили эту землю своей кровью. В числе прочих был убит один из моих дядей» [1, с. 89]. Представление о единстве морально-этических ценностей в поликультурном мире, сопряженное с процессом самоинтерпретации и самоописания, выступает также знаком положительной характеристики исторических деятелей. В частности, Анненкова сообщает, что католическая монахиня, проявившая заботу об узниках, в том числе об отце мемуаристки, заточенных французскими революционерами в крепости, «получила потом крест от Александра I за ее добродетельные подвиги» [1, с. 23].

Таким образом, топос Франции представлен в мемуарах Анненковой в контексте русско-французского диалога культур, определяя двойной регистр восприятия, описания и самоинтерпретации. Дихотомия Франция/Россия соотносится с семантической парой свое/чужое, центр/периферия. Французская реальность воссоздается в тексте как через характеристики ее пространственной структуры, так и через реконструкцию духовно-нравственной и культурно-исторической сферы. События частной жизни автогероини, ритмы провинциального мироустройства освещаются сквозь призму истории, а пребывание в Париже определяется семантикой отчужденности, ограниченности, локальности. Окружение юной автогероини составляют не только члены семьи, но также исторические деятели. В качестве значимых для автора ориентиров в процесс самоинтерпретации представлены образ отца и модели декабристской личности и культуры.

Список литературы

1. Анненкова П. Е. Воспоминания. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1977. 328 с.
1. Д. И. Фонвизин к П. И. Панину, Париж, 14/25 июня 1778 г. // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. 523 с.

Бурмистрова С. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634041.
E-mail: t-svet2007@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 26.12.2015.

S. V. Burmistrova

THE IMAGE OF FRANCE IN "MEMOIRS" OF P. E. ANNENKOVA

The article investigates the details of modeling the image of France in "Memoirs" of P.E. Annenкова. Topos of France included in the paradigm of Russia/Europe, is one of the chronotopic dominant of the Autodocumental text describing its conceptual sphere, embodied the specificity of the memoirist's world picture, mechanisms of self-interpretation and self-description and represented in it author's reception of the Russian-French cultural dialogue. The dichotomy France/Russia correlates with the semantic pair own/someone else's, center/periphery. French reality is recreated in "Memoirs" as through the characteristics of its spatial structure and through the spiritual and moral reconstruction of cultural and historical sphere. Events of the private life of the heroine, the rhythms of the provincial world order are highlighted through the prism of history and the stay in Paris is defined by the semantics of exclusion, restriction or locality. The setting up of the young heroine consists not only of the family members, but also of the historical figures. As an important for the author guide in the process of self-interpretation is presented the image of a father and a model of Decembrist personality and culture.

Key words: memoir, image of France, dialogue of cultures, imagologiâ, reception, concept sphere, model of self-description, dekabrizm.

References

1. Annenкова P. E. *Vospominaniya* [Memories]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoye knizhnoye izd-vo Publ., 1977. 328 p. (in Russian).
2. Fonvizin D. I. k P. I. Paninu, Parizh, 14/25 iyunya 1778 [D. I. Fonvizin to P. I. Panin, Paris, 14/25 June 1778]. D. I. Fonvizin. *Sobraniye sochineniy*. v 2 t., tom 2 [Fonvizin D. I. Collected Works: in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, Leningrad, GIHL Publ., 1959. 523 p. (in Russian).

Burmistrova S. V.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: t-svet2007@yandex.ru